

УДК-1: 321.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-15-25

ОБОСНОВАНИЕ ЦЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА В ТЕОРИЯХ СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ИХ КРИТИКА

Н. А. Шавеко

Шавеко Николай Александрович, кандидат юридических наук, Институт философии и права, Уральское отделение РАН, Ижевск, Россия.

E-mail: shavekonikolai@gmail.com (ORCID: 0000-0002-5481-7425. ResearcherID: K-4637-2018).

Аннотация

Посвящена рассмотрению наиболее распространенных способов, которыми сторонники совещательной модели демократии обосновывают ключевой элемент указанной модели – делиберацию (публичный дискурс), а также наиболее частых способов критики указанных обоснований. Целью статьи является выстраивание собственной авторской классификации существующих аргументов «за» и «против» совещательной демократии, которая обеспечит емкое и ясное представление о теоретических дебатах, развернувшихся в западной политической науке в последние несколько десятилетий, делаются выводы о нормативной привлекательности рассматриваемой модели. Автор выделяет два основных способа нормативного обоснования политической делиберации: эпистемический и неэпистемический. Оба, как указывается, сводятся к инструментальному обоснованию, то есть делиберация в них не рассматривается как благо само по себе. Далее выделяются три основные линии критики, в рамках которых обоснование делиберации оспаривается в современной западной научной литературе, а именно критиками доказывалось, что: 1) делиберация не является необходимым и единственным способом достижения нормативно значимого результата; 2) сама по себе делиберация и не приводит к нормативно значимому результату, а ключевыми для достижения указанного результата оказываются иные факторы; 3) на практике даже грамотно выстроенная делиберация может привести к результатам, прямо противоположным ожидаемым, то есть будет иметь место негативный обратный эффект. Все три линии критики носят скорее практический, чем теоретический характер. Автор приходит к выводу, что «совещательный поворот» в западной демократической теории не привел к дискредитации элитистских и партисипаторных подходов к осмыслению демократии, а лишь дополнил их нормативными соображениями, согласно которым имеет значение не только количество, но и качество индивидуальных предпочтений и политического участия («входных данных»), а также не только индивидуальная, но и социальная перспектива.

Ключевые слова: делиберация; демократия; дискурс; групповая поляризация; групповое мышление; коммуникация; рациональное невежество; гражданственность.

Общая характеристика совещательной демократии

В 1980–1990-х годах в западной политической науке наблюдалось смещение основных трендов во взглядах на демократию. Так, если в первые послевоенные десятилетия доминировали элитистские модели демократии, в которых политическое участие граждан сводилось к периодическим выборам правящей элиты, а к 1970-м гг. эти модели стали оспариваться в рамках так называемой демократии участия (партисипаторной демократии), подразумевающей широкомасштабное и непосредственно политическое участие народных масс, то теперь фокус внимания сместился с количества политического участия на его качество (а также на способы повысить это качество), и в обиход вошел термин делиберативная (совещательная) демократия, впервые использованным Дж. Бессетом в работе 1980 г. (Бессет, 2011). В настоящее время совещательная модель демократии по-прежнему является одной из доминирующих теоретических моделей, хотя в последнее десятилетие нередко говорят о «системном повороте» в рамках совещательной демократии, который обеспечивает рассмотрение делиберации в широком контексте формальных и неформальных политических практик и тем самым сближает совещательную модель с конкурирующими подходами, делающими акцент на соперничестве, а не на консенсусе (Mäntysalo et. al., 2023; Sokalska, 2023).

Под совещательной демократией обычно понимают такую модель демократии, при которой управление государством основывается на открытом, рациональном и свободном обсуждении (делиберации) социальных проблем, в процессе которого каждый имеет равное право привести аргументы или высказать возражения относительно того или иного способа решения этих проблем. В соответствии с характеристикой, данной Дж. Коэном, совещательная демократия представляет собой такой способ управления обществом, при котором основой легитимности считается подобное обсуждение, при этом граждане считаются способными к нему, а существующие институты способствуют ему и функционируют в соответствии с его результатами (Cohen, 1989: 21). В свою очередь, согласно определению, данному А. Гутманн и Д. Томпсоном, совещательная демократия есть форма правления, при которой свободные и равные граждане или их представители обосновывают те или иные решения в процессе выдвижения взаимоприемлемых и общедоступных аргументов с целью формулирования выводов, обязательных в настоящем для всех граждан, но открытых для оспаривания в будущем (Gutmann & Thompson, 2004: 7). Наконец, по мнению Й. Элстера, совещательная демократия характеризуется принятием решений теми, кого затрагивает это решение, или их представителями, посредством приведения аргументов рациональными и беспристрастными участниками (Deliberative Democracy..., 1998: 8). Все приведенные определения весьма схожи, и, как правило, предполагают как данность, что граждане (или их представители) обладают необходимыми делиберативными компетенциями, являются рациональными, а также в целом (добровольно или ввиду тех или иных обстоятельств) беспристрастными.

С точки зрения совещательных демократов модели демократического элитизма и партисипаторной демократии – это агрегативные («объединительные», «голосоцентричные») модели, поскольку они исходят из демократической процедуры как способа агрегации различных суждений и потребностей (голосов), в то время как ключевым элементом демократии является обдумывание и обсуждение, влекущее преобразование первоначальных суждений и потребностей («диалогоцентричность»). Ввиду этого, как выразился К. Санстэйн, подлинная демократия основывается не на предпочтениях, а на аргументах (reasons) (Sunstein, 1997: 94). Для сторонников совещательной демократии процедура голосования вторична по своей значимости, представляет собой лишь вынужденную меру в ситуациях, когда не достигнут консенсус.

Легитимность совещательные демократы трактуют не просто как молчаливое согласие народа с властью, но как продуманное, порожденное обсуждением согласие. Действительно, если власть способна сама формировать предпочтения народных масс, то непонятно, почему эти предпочтения должны служить оправданием самой власти; в конечном счете, важным становится именно генезис политических предпочтений (Manin, 1987). Исходя из этого, для совещательных демократов «воля народа» не дана заранее, а подлинная легитимность, в свою очередь, означает не просто правление в соответствии с этой волей, но и определенные способы ее формирования.

Наконец, важно подчеркнуть, что совещательные демократы исходят из «социальной перспективы», то есть делиберация рассматривается ими не просто как инструмент рефлексии индивида над собственными потребностями, но и как инструмент достижения неких социально значимых целей (тогда как в голосоцентричных моделях демократия, как правило, рассматривается лишь в качестве способа реализации индивидами своих частных целей). При этом само «общее благо» (социально значимая цель) сторонниками совещательной демократии определяется, конечно же, не простым агрегированием различных мнений, а их творческой переработкой в ходе политического обсуждения.

Итак, идея совещательной демократии претендует на то, чтобы избежать, с одной стороны, правления невежественной и необузданной толпы, с другой стороны, правления элит, достаточно компетентных, но не заинтересованных в благе людей, в справедливости и тому подобных идеалах. Но удастся ли совещательным демократам найти «золотую середину» между демократическим элитизмом и демократией участия? Действительно ли делиберацию следует рассматривать как ключевую характеристику демократии?

В данной статье будут рассмотрены основные способы, с помощью которых сторонники совещательной модели демократии обосновывают ценность делиберации, а также обозначены основные направления критики указанной модели, имеющие место в литературе. Предполагается, что авторская классификация аргументов как сторонников политической делиберации, так и тех, кто настроен в отношении нее скептически, позволит сформировать лаконичное и ясное представление о теоретических дебатах, развернувшихся в западной политической науке в последние десятилетия, и сделать выводы о нормативной привлекательности рассматриваемой модели.

Несмотря на то, что в современную эпоху постправды совещательные механизмы находятся под угрозой, что может породить некоторый скепсис в отношении практической реализации данной модели,

необходимо заметить, что совещательная демократия изначально возникла в период формирования информационного общества, а потому ее можно рассматривать как ответ на вопрос о функционировании демократии в условиях нескончаемых информационных потоков. И сегодня теоретики совещательной демократии также убедительно демонстрируют, что данная модель может стать ответом на существующие угрозы демократии (Bächtiger & Dryzek J.S., 2024; Benson, 2023). Таким образом, исследование теоретических основ совещательной демократии сегодня, как представляется, имеет особую актуальность.

Несмотря на то, что сегодня существует огромный пласт литературы на тему совещательной демократии и зачастую каждый автор предлагает свое собственное понимание делиберативного правления, есть как минимум одна характеристика, которая объединяет всех сторонников делиберативной демократии, – придание ключевого значения делиберации. Так, для большинства сторонников совещательной демократии важно не только само по себе решение, которое могли бы одобрить все заинтересованные лица и/или которое отражало бы их интересы в равной мере, но и то, что оно было бы одобрено путем всестороннего подробного и добросовестного обсуждения (дискурса), в ходе которого участники могут прояснить и корректировать первоначально разделявшиеся ими интересы и ценностные позиции (Посконин и Посконина, 2007: 45, 53-54). Чтобы подчеркнуть этот момент, Д. Драйзек даже предпочитает говорить не о делиберативной, а о дискурсивной демократии (так как делиберация может пониматься как процесс, совершаемый лишь одним человеком, что вводит в заблуждение) (Dryzek, 1990). Ниже мы, однако, будем использовать понятия «дискурс» и «делиберация» как синонимы, подразумевая, что делиберация – это именно «обсуждение», а не просто «рассуждение». В любом случае, сказанное демонстрирует, что критический анализ ценности политического дискурса (делиберации) является ключевым для оценки совещательной демократии в целом, хотя сегодня некоторые теоретики и пытаются показать, что в рамках «системного поворота» делиберативная демократия представляет собой нечто большее, чем защиту совещательных практик (Scudder, 2021).

Стратегии обоснования ценности политической делиберации

Итак, как именно сторонники совещательной демократии обосновывают необходимость дискурса? Здесь оказывается, что каждый мыслитель видит основную пользу дискурса в чем-то своем. При этом различные точки зрения можно условно разделить на (1) отстаивающие эпистемологическую ценность дискурса и на (2) отстаивающие иные инструментальные достоинства дискурса. Одновременно сложно назвать авторов, которые бы рассматривали дискурс как ценность саму по себе, вне зависимости от результата, к которому он приводит.

Рассмотрим сначала различные эпистемологические трактовки ценности дискурса. Так, например, С. Бенхаbib говорит о дискурсах как об эффективном способе получения информации и преодоления ограниченности индивидуального мышления (Benhabib, 1996: 69-74). Этот тезис, в свою очередь, может пониматься в нескольких аспектах.

В частности, дискурс в том или ином виде обеспечивает репрезентацию интересов. В одних случаях предполагается, что в дискурсе вправе участвовать все заинтересованные лица (Хабермас, 2008), в других случаях предлагается сделать репрезентативную выборку участников обсуждения из всей совокупности заинтересованных лиц (Fishkin, 2009), но, так или иначе, подобная репрезентация позволяет получить информацию о реальных предпочтениях и интересах населения. Кроме того, даже обсуждение с участием представителей власти с одной стороны и общественности с другой стороны, результаты которого не имеют обязательной для представителей власти силы, позволяет последним узнать действительные нужды подвластных.

Речь, впрочем, идет не только о получении знаний о каких-то фактах, но и о том, что путем обсуждения с другими людьми мы осмысливаем свои собственные предпочтения и интересы, жизненные цели, моральные интуиции и принципы. В этом тоже состоит важный эпистемологический аспект, отмечаемый совещательными демократами. Фактически данное положение бросает вызов традиционному либеральному воззрению, согласно которому каждый человек лучше других знает свои собственные предпочтения и интересы, ведь, согласно сторонникам совещательной демократии, лишь после некоторого совместного обсуждения человек будет обладать квалифицированным знанием собственной позиции (Dryzek, 2000: 21). Возможно, нам и не следует держаться за этот догматичный образ человека. Однако стоит заметить, что точно такой же вызов данному образу бросает и простое предположение, что свои ценности и предпочтения человек в полной мере может осознать лишь после обдумывания, которое осуществляется исключительно путем внутренней рефлексии без обсуждения с другими людьми (то есть путем делиберации без дискурса!) (Goodin, 2003). Соответственно, для большинства сторонников сове-

щательной демократии критически важно показать, что «совещания с самим собой» (подобно тому, как это имеет место у судьи в совещательной комнате) недостаточно.

Но все же является ли дискурсивный способ познания неизбежным? Даже если мы примем радикальную точку зрения Дж. Дьюи, согласно которой знание является лишь функцией коммуникации (Дьюи, 2002: 116, 128), делиберация как публичное обсуждение остается лишь одной из множества форм коммуникации. Так, например, доступ к информации (в том числе о возможных аргументах в споре), навыки критического мышления, мотивацию усваивать информацию и критически ее осмысливать можно обеспечивать самыми различными способами, например через образовательные проекты, СМИ, специальные информационные рассылки, через митинги, дебаты, агитацию и публичные заявления, обращения в органы власти, соцопросы и голосования, индивидуальные рассуждения и т. п. Дьюи полагает, в частности, что сама попытка передать свой опыт другому человеку ведет к переосмыслению данного опыта (рефлексии над ним в категориях чужого опыта), поэтому «любое взаимодействие... имеет образовательное значение» (Дьюи, 2000: 11). Но взаимодействие, очевидно, не тождественно делиберации (в противном случае делиберация стала бы слишком широким и оттого бессодержательным понятием). Иными словами, идея делиберативной демократии, возможно, подсказывает нам эффективный способ получения информации и ее осмысления, но этот способ однозначно не является единственным, и, возможно, даже не самым главным.

Пожалуй, наиболее убедительно в эпистемологическом ключе необходимость дискурса будет выглядеть в том случае, если мы сможем обосновать, что он является единственным способом познания моральной истины (справедливости), а саму моральную истину следует определить именно как результат дискурса. Именно такую этическую теорию и предложил в свое время немецкий мыслитель Ю. Хабермас (Хабермас, 2006). Результаты дискурса для него – это не просто более приближенные к моральной истине утверждения, а сама моральная истина как таковая.

Здесь можно выделить две трудности. Первая – это обоснование самой этики дискурса, ведь если мы не сможем ее обосновать, то и эпистемическое значение делиберации окажется под сомнением. Однако в рамках данной статьи мы не можем вникать во все сильные и слабые стороны этики дискурса. Ввиду этого целесообразно сосредоточиться на другой трудности. Дело в том, что, даже оставляя в стороне обоснованность этики дискурса, мы могли бы задаться вопросом: если дискурс как «идеальная речевая ситуация» в реальности никогда недостижим полностью, соответствует ли максимально возможное приближение к «идеальной речевой ситуации» максимальному приближению к моральной истине? Как заметил Й. Элстер, «иногда небольшая дискуссия может быть... даже хуже, чем отсутствие дискуссии вообще»; неверно, что ситуация, удовлетворяющая большему количеству идеальных критериев, обязательно лучше, чем ситуация, в которой удовлетворяется меньшее количество таких критериев (Elster, 1997: 14-15, 18). Тот же тезис разделяет Д. Эстлунд, заметивший, например, что если критерием правильности решения является согласие с ним каждого затронутого лица при идеальных условиях обсуждения, то в реальности предоставление каждому затронутому лицу права вето, вытекающего из критерия единогласия, привело бы к обструкционизму, а значит, не всякое приближение к идеальной процедуре желательно (Estlund, 2008: 17). Кроме того, по Эстлунду, не всегда понятно, в каких ситуациях речь идет о политическом дискурсе, а в каких нет, поэтому если мы будем пытаться воплотить в жизнь «идеальную речевую ситуацию», то необходимо все социальные коммуникации (в том числе в бизнесе, искусстве и т. п.) выстроить по данному образцу, что является абсурдным (Estlund, 2008: 187-189). Не случайно Хабермас был крайне осторожен в практических рекомендациях относительно политического устройства, которые могли бы следовать из этики дискурса. Предложенная им модель делиберативной демократии (Habermas, 1992) заключается совсем не в том, чтобы попытаться создать «идеальную речевую ситуацию» в реальной политической практике. С учетом изложенного полагаем, попытки некоторых авторов выработать «индекс качества дискурса», и с этой точки зрения определить соответствие реальных дискурсов некоторой идеальной модели (Steenbergen et. al., 2003), не спасают подход к совещательной демократии, основанный на этике дискурса: обоснованность этики дискурса, к сожалению, еще не означает обоснованность делиберативной демократии.

Некоторые мыслители указывают на положительные следствия дискурса, прямо не связанные с вопросами познания фактов, интересов и принципов. Так, Э. Гутманн и Д. Томпсон подчеркивают способность дискурсов устранять моральные разногласия, тем самым делая решения более легитимными, а также формировать политические добродетели (Gutmann & Thompson, 1996). Свою нормативную теорию делиберативной демократии они развивают под влиянием взглядов Дж. Ролза. Последний, в свою очередь, известен скорее не как теоретик демократии, а как теоретик справедливости. Между тем его взгляды могут быть рассмотрены и в рамках демократической теории. Так, в своей работе «Политический либера-

лизм» (Rawls, 1993) Ролз предпринял попытку разработать концепцию справедливости, которая могла бы быть применимой к современным обществам, характеризующимся высоким уровнем разумных разногласий по фундаментальным вопросам. При этом он исходил из того, что любая правдоподобная концепция справедливости должна быть реалистичной и иметь шансы на воплощение (отвечать требованию стабильности). Это, по мнению Ролза, имеет место в случае, если можно разумно ожидать, что данную концепцию (касающуюся основных политических, социальных и экономических институтов общества) могли бы разумно и на условиях взаимности принять люди, рассматриваемые как свободные и равные, но имеющие различающиеся религиозные, философские и моральные убеждения. Иными словами, справедливым является то, что может быть «публично оправданно» (согласно определенным стандартам рациональности). Эту теорию справедливости Ролз обозначил как политический либерализм. Гутманн и Томпсон, в свою очередь, не оценивают ролзовскую теорию справедливости как таковую, а лишь заимствуют у него ту спорную идею, что тенденция к минимизации на практике моральных разногласий является неотъемлемой частью любой правдоподобной теории справедливости. И далее, предполагая идеал демократии очевидным, они защищают именно совещательную модель демократии, поскольку она, по их мнению, лучше справляется с моральными разногласиями.

Но опять же можно задаться вопросом: действительно ли дискурс является единственно возможным или же необходимым средством достижения указанных целей? Некоторые авторы, например, подмечают, что справедливое распределение доходов и богатств, а также изначально данное чувство общности могут способствовать преодолению разногласий лучше, чем делиберация (Bell, 1999: 73).

Кроме того, мы могли бы задаться вопросом, каково соотношение цели отсутствия конфликтов, а также цели развития политических добродетелей с другими нормативными идеалами? По всей видимости, преследуемые Гутманн и Томпсоном цели сами по себе не являются высшими, а потому играют подчиненную роль. Д. Фирон, например, не без оснований утверждает, что формируемые в ходе делиберации добродетели ценны не сами по себе, а для достижения в том или ином смысле более приемлемого результата (Fearon, 1998: 58-60). Что касается ценности отсутствия конфликтов, то значимость таковой в глазах граждан, как мы полагаем, также зависит от того, насколько бесконфликтность способствует реализации представлений этих граждан о справедливости (содержательной или процедурной), о самореализации (хорошо прожитой жизни), а также от того, насколько она помогает максимизации удовольствий и минимизации страданий этих граждан. Вполне возможно, что некоторые ценности мы посчитаем настолько важными, что будем оправдывать их принудительное воплощение даже в отсутствие морального согласия. Не говоря уже о том, что в более радикальных («агонистических») моделях демократии высшая ценность придается самим моральным конфликтам, постоянной борьбе социальных сил в условиях плюрализма (Mouffe, 1999: 755-756). В итоге, если эпистемологические обоснования дискурса более или менее очевидны (обоснование той или иной формы правления вообще, как правило, строится через демонстрацию того, что именно она в наибольшей степени способствует познанию и воплощению «правильного» результата), то иные инструментальные обоснования дискурса нуждаются в дополнительных обоснованиях тех промежуточных целей, на которые ссылаются соответствующие авторы.

Итак, важность дискурса совещательными демократами обосновывается, с одной стороны, тем, что через дискурс достигается некоторая информированность, осмысленность и просвещенность (которая, в свою очередь, обеспечивает принятие в том или ином смысле правильных решений – как с индивидуальной, так и с социальной перспективой), с другой стороны, тем, что дискурс приводит к результатам, которые можно рассматривать как своего рода средства для самых различных целей, то есть имеют ценность независимо от того, в чем именно состоят правильные решения (эта ценность может состоять в устранении моральных разногласий, формировании политических добродетелей и прочих положительных эффектах).

Рассмотрев способы, с помощью которых ученые пытаются обосновать значимость публичных обсуждений социальных проблем, что мы имеем в сухом остатке? Информированность о фактах окружающей действительности, осмысленность предпочтений и моральных позиций, отсутствие моральных разногласий и развитие гражданских добродетелей, справедливое урегулирование конфликтующих предпочтений – все это заслуживающие внимания ценности. Однако обоснование делиберативной демократии в конечном счете, во-первых, зависит от доказанности того, что дискурс способствует реализации этих ценностей, причем лучше других способов, во-вторых, требует дополнительной теории, выявляющей соотношение этих ценностей.

Недостатки и опасности политической делиберации

На данный момент приводимая нами критика возвеличивания значимости дискурса сводилась большей частью к тому, что, даже если дискурс действительно играет положительную роль в достижении тех или иных целей, существуют и иные (возможно, даже более действенные) способы достижения тех же самых целей, а сам дискурс не является неизбежным. Но надо сказать также и о том, что любые преимущества дискурса могут быть перевешены его недостатками, и об этом также не забывают многие сторонники совещательной демократии. Так, в литературе нередко указывается, что необходимо соотносить ценность делиберации, в чем бы она ни заключалась, с ценностью времени, затраченного на нее, а также возможность того, что делиберация будет способствовать лишь торжеству красноречия, формированию неадекватного представления о собственных интересах и идентичности, а также другим негативным сценариям (Deliberative Democracy..., 1998: 21-22, 123-184).

Конечно, в большинстве случаев такие упреки связаны с ситуациями, в которых нарушаются основные требования делиберации – участники совершают стратегическое, а не коммуникативное действие, прибегают к различным манипуляциям, защищают свой эгоистический интерес, а не истину и справедливость. Но иногда негативные следствия свойственны даже «идеальному» дискурсу, то есть такому, где участники не действуют стратегически и не стремятся (по крайней мере, последовательно и осознанно) защитить эгоистический интерес. В этом случае речь идет о том, что участники недостаточно ответственно и добросовестно подходят к заданию (например, не проявляют достаточной беспристрастности и не осуществляют требуемое исследование должным образом). Так, Д. Гамбетта обратил внимание на то, что эффективность дискурса во многом зависит от культуры его участников, и простого отсутствия стратегического действия и эгоистического интереса недостаточно (Gambetta, 1998: 19-43), Й. Элстер (Elster, 1997: 16-17) и Д. Мутц (Mutz, 2006: 3) – на то, что люди обычно стараются не конфликтовать со своими согражданами, а потому или обсуждают острые социальные проблемы только в кругу своих единомышленников, или уклоняются от обсуждения, или руководствуются скорее склонностью к конформизму, чем разумом.

Кроме того, такие авторы, как Й. Шапиро (Shapiro, 1999: 31-32), А. Пржеворский (Przeworski, 1998: 141) и Дж. Фирон (Fearon, 1998: 55-58), указали на то, что именно в ходе обсуждения участники могут обнаружить фундаментальную противоположность своих взглядов, не допускающую никакого примирения, и тем самым лишь усилить или создать разногласия. Действительно, обсуждение, как правило, является необходимым шагом для преодоления разногласий, однако (а) раскрытие аргументации может, напротив, вскрыть или обострить конфликт, а (б) процедура обсуждения не всегда способствует легитимизирующему психологическому эффекту. Надо сказать, что еще на заре теории делиберативной демократии были проведены психологические исследования, показывающие, что приводимые в публичных спорах аргументы, направленные на преодоление или смягчение разногласий, ввиду врожденной «схематичности» человеческого мышления достигают прямо противоположного эффекта (Ross & Nisbett, 1980: 192). Возможно также, что противоположность взглядов не просто обнаруживается и укрепляется, а именно создается в ходе самой дискуссии, о чем говорит, например, известный феномен «групповой поляризации», исследованный С. Московичи (Moscovici & Zavalloni, 1969; Sunstein, 2003). Особое значение здесь приобретает склонность к подтверждению своей точки зрения (confirmation bias) (Nickerson, 1998).

Социальные эксперименты, кроме того, показывают, что совместное обсуждение тех или иных вопросов может привести к неприемлемым результатам из-за эффекта «группового мышления», открытого И. Джейнисом (1972, 1982, 1985) (Введение в психологию, 2007: 769-770). При групповом мышлении участники обсуждения подавляют свое мнение ради единства группы, что приводит к принятию явно непродуманных и абсурдных решений. Соответственно, идеальные условия дискурса должны исключать факторы, провоцирующие эффект «группового мышления», однако данные факторы пока что недостаточно изучены.

Существует множество других возможных негативных эффектов (искажения, обусловленные разной степенью подготовленности участников; чрезмерная эмоциональность дискуссий; появление в результате дискуссий чувства апатии и склонности к скептицизму; усиление в ходе дискуссии групповой предвзятости и т. п.) (Brennan, 2016: 58-73). Во всех этих случаях речь идет о том, что даже если формально созданы все условия для получения необходимой информации, свободной и равноправной дискуссии и достижения согласия, то на практике может сработать человеческий фактор, ведь участники дискуссии не идеальны.

Вышеизложенные недостатки и опасности публичных дискурсов показывают, что критика их значимости может строиться двояко: с одной стороны, можно доказывать, что существуют иные способы достижения целей, которым в идеале должно служить обсуждение (о чем мы говорили в предыдущем

разделе), с другой стороны, можно заметить, что даже идеально выстроенное обсуждение будет иметь больше недостатков, чем достоинств (на что указывает сказанное в этом разделе).

Просвещенность как условие и как следствие политической делиберации

Особое внимание, как представляется, следует уделить эпистемологическим трактовкам совещательной демократии. Дело в том, что в целом сторонники совещательной демократии часто подчеркивают важность просвещенности (полной информированности, сознательности и рациональности) участников политических дискурсов, которая является гарантом принятия правильных решений. Ценность для совещательных демократов имеет не сиюминутное и не осведомленное мнение, а мнение продуманное и компетентное (Хлопов, 2013: 271). Но при этом они отвергают идеал «попечительского правления», то есть правления грамотной и знающей элиты. Совещательные демократы предполагают, что ни один человек или группа людей не могут обладать всей полнотой информации и предвидеть все разнообразие точек зрения (Зайцев, 2013: 151-152); соответственно, чем больше людей (или их объединений, групп и т. д.) вовлечено в принятие решения, тем лучше. Это, по всей видимости, потребует действий, направленных на «рационализацию общества» (в терминологии Дж. Дьюи) (Линде, 2015: 55), то есть образовательных реформ, направленных на повышение компетентности граждан. В качестве альтернативы предлагается вводить совещательные элементы в работу репрезентативных органов власти (парламенты, суды присяжных и т. п.), в том числе создавать новые коллективные совещательные органы, представляющие собой репрезентативную выборку из населения (непрофессионалов в политике), и повышать информированность уже этих представителей, а не всего населения (Dryzek et al., 2019: 1144-1146; Landemore, 2017: 51-63). Проблема, однако, в том, что многие из представителей теории совещательной демократии (Fearon, 1998; Pedro, 2010) подразумевают, что у граждан имеется либо достаточный уровень информированности и мыслительных способностей, либо этот уровень достигается именно в процессе обсуждения (делиберации) и никаких дополнительных действий по просвещению, помимо организации самого процесса обсуждения, не требуется. Во всяком случае, просвещенность занимает важное место в концепциях совещательной демократии.

Однако в этом заключается и слабость указанных концепций. Действительно ли среднестатистический гражданин достаточно просвещен для демократии? И если нет, то может ли он вообще стать таковым? Как представляется, ответы на эти вопросы должны учитывать заслуживающее внимания мнение, высказанное Й. Шумпетером, согласно которому «без инициативы, которая проистекает из непосредственной ответственности, несмотря на все обилие точной информации, будет преобладать незнание. Оно будет преобладать даже в условиях, когда в обществе предпринимаются заслуживающие всяческих похвал усилия выйти за рамки простого изложения информации и организовать обучение тому, как ее использовать, посредством лекций, классов, дискуссионных групп. Результаты этих усилий, – пишет Шумпетер, – не равны нулю. Но они малы. Людей нельзя внести вверх по лестнице – они должны карабкаться сами. Поэтому, как только обычный гражданин затрагивает политические вопросы, он опускается на более низкий уровень умственной деятельности. Он аргументирует и анализирует так, что это показалось бы ему самому инфантильным применительно к сфере его собственных интересов» (Шумпетер, 2008: 660). Таким образом, важно не только предоставление народу или его представителям значимой информации без каких-либо искажений, но и наличие у них мотивации воспользоваться данной информацией. Соответственно, одной из задач в процессе обоснования делиберативной демократии становится задача показать, что население или его репрезентативные выборки могут быть еще и достаточно мотивированными (Fishkin, 2009: 1-8). Как правило, речь идет о том, чтобы оплачивать всю необходимую работу представителей, участвующих в обсуждении. Но не менее значимым является обеспечение того, чтобы результаты обсуждения имели обязательный характер, поскольку в этом случае участники обсуждения будут знать, что игра стоит свеч (Ross, 2013). По всей видимости, надежды совещательных демократов на то, что информированность и мотивированность продуцируются самим дискурсом, необоснованны. Вероятно, эти два качества правильнее рассматривать как необходимые условия, а не как неперенные следствия дискурса.

Исходя из вышеизложенного, еще одной линией критики совещательной демократии можно считать попытку показать, что дискурс не просто не является единственным средством достижения тех или иных целей или даже ведет к прямо противоположным целям, но также и то, что дискурс попросту не является эффективным средством, а связываемые с ним успехи обусловлены на самом деле иными факторами. Мы показали это на примере эпистемических обоснований дискурса, указав, что требуемая про-

свещенность и мотивированность достигаются не дискурсом как таковым, а другими механизмами. Но то же самое можно применить и к неэпистемическим обоснованиям дискурса.

Отсюда следует, что при оценке совещательной демократии мы все еще должны учитывать споры между демократическими элитистами и партисипаторными демократами, которые касаются как представлений о человеческих способностях, так и реального желания народа участвовать в политике. В действительности у совещательных демократов существуют различные взгляды на этот счет, а потому некоторые из них близки демократическому элитизму, а другие – партисипаторным демократам. Это позволяет, на наш взгляд, выделить в совещательной демократии две основные формы: одна предполагает обсуждение в специально сформированных небольших группах (и коррелирует с представительной демократией, защищаемой элитистскими концепциями демократии), а другая направлена на всенародное обсуждение социально значимых проблем (и коррелирует с прямой демократией, отстаиваемой партисипаторными демократами).

Выводы

Совещательная демократия появилась как реакция на господствовавшие ранее концепции демократического элитизма и демократии участия и преподносится ее сторонниками как золотая середина между крайностями: с одной стороны – правления невежественной и необузданной толпы, с другой стороны – правления элит, достаточно компетентных, но не заинтересованных в благе людей, в справедливости и тому подобных идеалах. При этом ключевым элементом, позволяющим избежать этих крайностей, называется делиберация (дискурс). Различные способы обоснования ценности делиберативных практик, встречающиеся в западной научной литературе, можно условно разделить на (1) отстаивающие эпистемологическую ценность дискурса и на (2) отстаивающие иные инструментальные достоинства дискурса. Одновременно сложно назвать авторов, которые бы рассматривали дискурс как ценность саму по себе, вне зависимости от результата, к которому он приводит. Так или иначе, оба названных способа обоснования столкнулись с критикой троякого рода. Во-первых, утверждается, что делиберация не является необходимым и единственным способом достижения нормативно значимого результата. Во-вторых, указывается, что сама по себе она и не приводит к нормативно значимому результату, а ключевыми оказываются иные факторы, ей сопутствующие. В-третьих, доказывалось, что на практике даже грамотно выстроенная делиберация может привести к результатам, прямо противоположным ожидаемым, то есть будет иметь негативный обратный эффект. Все три рода критики носят скорее практический, чем теоретический характер. В конечном счете «совещательный поворот» в западной демократической теории не привел к дискредитации элитистских и партисипаторных подходов к осмыслению демократии, а лишь дополнил их нормативными соображениями, согласно которым имеет значение не только количество, но и качество индивидуальных предпочтений и политического участия («входных данных»), а также не только индивидуальная, но и социальная перспектива. Но дальнейшее обоснование тех или иных делиберативных моделей, как представляется, должно строиться не столько на теоретических рассуждениях, сколько на опытных данных, выявляющих факторы, при которых делиберация воплотит свой лучший потенциал.

Список литературы / References

- Бессетт, Дж. М. (2011) *Тихий голос разума: делиберативная демократия и американская система государственной власти*. Москва: РОССПЭН. 335 с. [Bessette, J. M. (2011) *The Mild Voice of Reason: Deliberative Democracy and the American National Government* [Tikhii golos razuma: deliberativnaya demokratiya i amerikanskaya sistema gosudarstvennoi vlasti]. Moscow: ROSSPEN. 335 p. (In Russ.)].
- Аткинсон, Р. Л., Аткинсон, Р. С., Смит, Э. Е., Бем, Д. Дж, Нолен-Хоэксем, С. (2007) *Введение в психологию: учеб. для студентов ун-тов* (ред.) В. П. Зинченко, А. И. Назарова, Н. Ю. Спомиор СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. 816 с. [Atkinson, R. L., Atkinson, R. S., Smith, E. E., Bem, D. J., Nolen-Hoeksema, S. (2007) *Hilgard's introduction to psychology: history, theory, research and applications* [Vvedenie v psikhologiyu: ucheb. dlya studentov un-tov] (eds) V. P. Zinchenko, A. I. Nazarova, N. Yu. Spomior. St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 816 p. (In Russ.)].
- Дьюи, Дж. (2000) *Демократия и образование*. М.: Педагогика-пресс. 382 с. [Dewey, J. (2000) *Democracy and education* [Demokratiya i obrazovanie]. M.: Pedagogika-press. – 382 p. (In Russ.)].

- Дьюи, Дж. (2002) *Общество и его проблемы*. М.: Идея-Пресс. 159 с. [Dewey, J. (2002) *The public and its problems* [Obshchestvo i ego problemy]. M.: Ideya - Press. 159 p. (In Russ.)].
- Зайцев, А. В. (2013) 'Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики', *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 15 (158), сс. 147–153. [Zaitsev, A. V. (2013) 'Deliberative democracy, dialogue and their place in the constellation of public policy discourse' [Deliberativnaya demokratiya, dialog i ikh mesto v konstellyatsii diskursa publichnoi politiki], *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science*, 15 (158), pp. 147–153. (In Russ.)].
- Линде, А. Н. (2015) 'Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов', *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 1 (39), сс. 52–58. [Linde, A. N. (2015) 'Deliberative democracy as a direction in the modern theory of democracy: an analysis of the main approaches' [Deliberativnaya demokratiya kak napravlenie v sovremennoi teorii demokratii: analiz osnovnykh podkhodov], *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 1 (39), pp. 52–58. (In Russ.)].
- Посконин, В. В., Посконина, О. В. (2007) 'Значимость понятия «Дискурс» в модели делиберативной демократии', *Вестник Удмуртского университета. Серия «Правоведение»*, 2, сс. 47–56. [Poskonin, V. V., Poskonina, O. V. (2007) 'The significance of the concept of "discourse" in the model of deliberative democracy' [Znachimost' ponyatiya «Diskurs» v modeli deliberativnoi demokratii], *Bulletin of the Udmurt University. The series "Jurisprudence"*, 2, pp. 47–56. (In Russ.)].
- Хабермас, Ю. (2008) *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука. 417 с. [Habermas, J. (2008) *The Inclusion of the Other* [Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii] St. Petersburg: Nauka. 417 p. (In Russ.)].
- Хабермас, Ю. (2006) *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб.: Наука. 379 с. [Habermas, J. (2006) *Moral consciousness and communicative action*. [Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie]. St. Petersburg: Nauka, 379 p. (In Russ.)].
- Хлопов, О. А. (2013) 'Делиберативная демократия Джозефа Бессетта', *Политическая наука*, 1, сс. 269–279. [Khlopov, O. A. (2013) 'The deliberative democracy of Joseph Bessette' [Deliberativnaya demokratiya Dzhozefa Bessetta], *Political Science*, 1, pp. 269–279. (In Russ.)].
- Шумпетер, Й. А. (2008) *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Эксмо. 864 с. [Schumpeter, J. A. (2008) *Capitalism, socialism and democracy* [Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya]. Moscow: Eksmo. 864 p. (In Russ.)].
- Bächtiger, A., Dryzek, J. S. (2024) *Deliberative Democracy for Diabolical Times: Confronting Populism, Extremism, Denial, and Authoritarianism*. Cambridge University Press. 253 p.
- Bell, D. A. (1999) 'Democratic deliberation: the problem of implementation. Deliberative politics'. In Macedo St. (eds.) *Essays on Democracy and Disagreement*. New York, Oxford: Oxford University Press. 304 p.
- Benhabib, S. (1996) 'Toward a Deliberative Model of Democratic Legitimacy'. In Benhabib S. (eds.) *Democracy and difference. Contesting the boundaries of the political*. Princeton: Princeton University Press. 373 p.
- Benson, J. (2023) 'Is fake news a threat to deliberative democracy? Partisanship, inattentiveness, and deliberative capacities', *Social Theory and Practice*, pp. 1–24.
- Brennan, J. (2016) *Against democracy*. Princeton&Oxford: Princeton University Press. 304 p.
- Cohen, J. (1989) 'Deliberation and Democratic Legitimacy'. In A. Hamlin and Ph. Pettit (eds.) *The Good Polity. Normative analysis of the state*. New York: Basil Blackwell. 256 p.
- Deliberative Democracy* (1998) Ed. by Elster J. Cambridge: Cambridge University Press. 282 p.
- Dryzek, J. (2000) *Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations*. Oxford, New York: Oxford University Press. 195 p.
- Dryzek, J. S. (1990) *Discursive Democracy: Politics, Policy, and Political Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 254 p.
- Dryzek, J. S., Bächtiger, A., Chambers, S., Cohen, J., Druckman, J. N., Felicetti, A., Fish-

- kin, J. S., Farrell, D. M., Fung, A., Gutmann, A., Landemore, H., Mansbridge, J., Marien, S., Neblo, M. A., Niemeyer, S., Setälä, M., Slothuus, R., Suiter, J., Thompson, D., Warren, M. E. (2019) 'The crisis of democracy and the science of deliberation', *Science*, 363 (6432), pp. 1144–1146. DOI: 10.1126/science.aaw2694.
- Elster, J. (1997) 'The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory'. In James Bohman and William Rehg (eds.) *Deliberative democracy: essays on reason and politics*. Cambridge, London: MIT Press. 447 p.
- Estlund, D. (2008) *Democratic Authority*. Princeton: Princeton University Press. 309 p.
- Fearon, J.D. (1998) 'Deliberation as discussion'. In Elster J. (eds.) *Deliberative Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. p. 44–68.
- Fishkin, J.S. (2009) *When the people speak. Deliberative Democracy and Public Consultation*. Oxford, New York: Oxford University Press. 256 p.
- Gambetta, D. (1998) «'Claro!»: an essay on discursive machismo», in Elster J. (eds.). *Deliberative Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 19–43.
- Goodin, R.E. (2003) *Reflective Democracy*. New York: Oxford University Press. 279 p.
- Gutmann, A., Thompson, D. (1996) *Democracy and disagreement*. Cambridge, London: Belknap Press of Harvard University Press. 422 p.
- Gutmann, A., Thompson, D. (2004) *Why deliberative democracy?* Princeton & Oxford: Princeton University Press. 232 p.
- Habermas, J. (1992) *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. 666 p.
- Landemore, H. (2017) 'Deliberative Democracy as Open, Not (Just) Representative Democracy', *Dædalus*, 146 (3), pp. 51–63.
- Manin, B. (1987) 'On Legitimacy and Political Deliberation', *Political Theory*, 15 (3), pp. 338–368.
- Mäntysalo, R., Mattila, H., Hirvola, A. (2023) 'Institutional Gaps in Agonistic and Communicative Planning Theories. Critical Implications of the 'Systemic Turn' in Deliberative Democracy Theory', *Raumforschung und Raumordnung | Spatial Research and Planning*, 81 (5), pp. 437–448.
- Moscovici, S., Zavalloni, M. (1969) 'The group as a polarizer of attitudes', *Journal of Personality and Social Psychology*, 12 (2). pp. 125–135.
- Mouffe, Ch. (1999) 'Deliberative Democracy or Agonistic Pluralism?', *Social Research*, 66 (3), pp. 745–758.
- Mutz, D. (2006) *Hearing the other side. Deliberative versus Participatory Democracy*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 184 p.
- Nickerson, R. S. (1998) 'Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises', *Review of General Psychology*, 2 (2), pp. 175–220.
- Pedro, P. (2010) 'Note, Making Ballot Initiatives Work: Some Assembly Required', *Harvard Law Review*, 123 (4), pp. 959–980.
- Przeworski, A. (1998) 'Deliberation and Ideological Domination'. In Elster J. (eds.). *Deliberative Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 140–160.
- Rawls, J. (1993) *Political liberalism*. New York: Columbia University Press. 401 p.
- Ross, C. (2013) *The Leaderless Revolution: How Ordinary People Will Take Power and Change Politics in the 21st Century*. New York: Penguin Publishing Group. 272 p.
- Ross, L., Nisbett, R. E. (1980) *Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgement*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 334 p.
- Sokalska, E. (2023) 'Searching for a new formula of a state: international discourse on deliberative democracy', *Acta Iuridica Resoviensia*, 40 (122), pp. 124–138.
- Scudder, M. F. (2021) 'Deliberative Democracy, More than Deliberation', *Political Studies*, 71 (1), pp. 238–255.
- Shapiro, I. (1999) 'Enough of deliberation: politics is about interests and powers', in: Macedo St. (eds.). *Deliberative politics. Essays on Democracy and Disagreement*. New York, Oxford: Oxford University Press. pp. 28–38.
- Steenbergen, M. R., Bächtiger, A., Spörndli, M., Steiner, J. (2003) 'Measuring Political Deliberation. A Discourse Quality Index', *Comparative European Politics*, 1, pp. 21–48.
- Sunstein, C. R. (1997) 'Deliberation, democracy and disagreement'. In Bontekoe R. and Stepanians M. (eds). *Justice and Democracy: Cross-Cultural Perspectives*. Honolulu: University of Hawaii Press, pp. 93–118.
- Sunstein, C. R. (2003) 'The law of group polarization'. In Fishkin J. S. and Laslett P. (eds.). *Debating Deliberative Democracy*. Oxford: Wiley. pp. 80–101.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 13.05.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

JUSTIFYING THE VALUE OF PUBLIC DISCOURSE IN THEORIES OF DELIBERATIVE DEMOCRACY: MAIN STRATEGIES AND THEIR CRITIQUE

N. Shaveko

Nikolai Shaveko, PhD in law, Institute of Philosophy and Law,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.

E-mail: shavekonikolai@gmail.com (ORCID: 0000-0002-5481-7425. ResearcherID: K-4637-2018).

Abstract: The article considers the most common ways in which supporters of the deliberative model of democracy justify the key element of this model – deliberation (public discourse) – as well as the most common ways in which these justifications are criticized. The author proposes a new classification of the existing arguments "for" and "against" deliberative democracy, clarifying the nature of the theoretical debates in Western political science in recent decades and presenting the normative attractiveness of the model under consideration. The article presents two types of mainly instrumental justification (epistemic and non-epistemic). Furthermore, the author distinguishes three main lines of criticism, within the framework of which the justification of deliberation is disputed in the modern Western scientific literature. All of these criticisms are more practical than theoretical. The author concludes that the "deliberative turn" in Western democratic theory has not discredited elitist and participatory approaches to understanding democracy, but has merely supplemented them with normative considerations, according to which not only the quantity but also the quality of individual preferences and political participation ("input data") are important, as well as not only an individual but also a social perspective.

Keywords: deliberation; democracy; discourse; group polarization; groupthink; communication; rational ignorance; citizenship.